

Даже в частной, сугубо индивидуальной судьбе отдельного человека бывают вопросы столь значимые, столь для всех важные, что иной, глядишь, и всем миром вовек не обговорить.

Истинно — вечные, хочется сказать.

Общечеловеческие.

Иначе и не скажешь.

Волею рока таким предстаёт и вопрос о национальной принадлежности Пушкина. Юбилей не юбилей, по поводу и без повода, при каждом удобном и неудобном случае, кстати и некстати нам, русским, то и дело с нажимом подчёркивают, что наш национальный гений, наша общенародная гордость и слава, наш горячо любимый, наш великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин не такой-то уж и русский. Дескать, что ни говори, все помнят — африканец. Эфиоп.

А мы, в общем-то, и не спорим. Африканец? Ну и пусть африканец. Эфиоп? Ну и пусть эфиоп. В конце концов, какая разница, это же не мешает нам любить его поэзию и любить его самого.

На том, казалось бы, ревнителям родоплеменной определённости и успокоиться. Ан, нет! Наша русская покладистость, похоже, лишь пуще их раззадоривает. Давно уже пора бы прийти если не к какому-то научно-обоснованному конкретному выводу, то хотя бы, скажем, к компромиссному решению вроде нашего житейского: ладно, мол, пусть, допустим, половина на половину, так где там — увьи! Вот и длится разговор годами и десятилетиями, а воз и ныне там. И, может быть, не стоило бы лишний раз подогрывать страсти, но вот в чем беда, вот что примечательно: ну хоть бы кто-то из приверженцев перевеса расовых признаков согласился, что Пушкин в большей степени всё-таки русский, так нет же, наоборот, все они озабочены как раз противоположным.

Это сразу же бросается в глаза при беглом просмотре многочисленных посвящённых данному вопросу работ. Все устремления, все усилия авторов, хотя бы сколь-нибудь претендующих на роль серьёзных исследователей, сосредоточены, как правило, на одном: отыскать корни национального происхождения нашего великого русского поэта по родословной его прадеда Ганнибала. А уж что касается до записных везнаек от современной журналистики, то их и хлебом не корми, дай только подсудачить на давно избитую, но и донныне как бы экзотически-экстравагантную тему.

В пушкиноведении действительно давно уже утвердилась и получила широкое распространение так называемая абиссинская, то есть — эфиопская версия. Так что в продолжении, развитии и популяризации её ничего зазорного нет. Скорее, наоборот, можно сказать, что есть тут и весомая вроде бы причина, и вполне объяснимый интерес. Тем боле, если увлечены этим африканцы. В особенности, скажем, эфиопы.

Замечу, кстати, что одна из моих поездок в Пушкиногорье случайно совпала с приездом туда императора Эфиопии Хайле Селасие, специально прибывшего в тот край, чтобы побывать в Михайловском и посетить могилу «великого эфиопского поэта А. С. Пушкина». И это ведь ни меня, ни кого другого из местных жителей, в общем-то, и не удивило. Было даже приятно, что вот через Александра Сергеевича мы в родстве с другим, надо полагать, уже в силу этого дружественным нам народом. Хотя, если на то пошло, эфиопская версия как была, так и остаётся всего лишь версией. Именно — версией, ибо каких-нибудь достоверных, документальных подтверждений для неё никем и нигде пока не найдено.

Впервые обосновал, а вернее — попытался обосновать эту версию известный антрополог академик Д. Н. Анучин. Для учёного мужа столь высокого ранга было бы, конечно же, обидным предположение, что он не читал таких произведений Пушкина, как «Арап Петра Великого», «Моя родословная» и «Начало автобиографии». Пушкин сам неоднократно и недвусмысленно говорил о себе, что он — «потомок негров». Да вот — хотя бы и в стихах:

*А я, повеса вечно праздный,
Потомок негров безобразный...*

Но если такое признание в стихах можно счесть шутливой поэтической вольностью, самоиронией, то в «Начале автобиографии» — именно автобиографическим, основанным на тех достоверных сведениях, что передавалось в семье от деда и прадеда. А здесь, вспоминая о своей матери, Александр Сергеевич писал: «Дед её был негр, сын владетельного князька».

Заметим попутно, что в научной терминологии слово «арап» тогда означало — негр, а «абиссинец» — эфиоп. На каком же основании уважаемый академик пришёл к выводу, что прадед Пушкина Ганнибал был эфиопом? Оказывается, из собственных умозаключений. Он, в частности, рассуждал так: «Раса негров в культурном и умственном отношении стоит на низшей ступени сравнительно с белой расой. Абиссинцы же, то есть эфиопы, принадлежат к семитской группе, и потому способны к более высокой культуре».

Формулировки для маститого антрополога более чем странны. Но далее — и ещё любопытнее: «Позволительно сомневаться в том, что чистокровный негр мог в такой степени проявить свои способности, в какой их проявил Ибрагим Ганнибал, чтобы, наконец, правнук этого негра А. С. Пушкин отметил новую эпоху в литературно-художественном развитии европейской нации».

То есть, у семитов может родиться гений, у «чистокровных» негров — «позволительно сомневаться». Куда как научно, не правда ли? Не говорю уж о том, что о русской «чистокровной» линии А. С. Пушкина в этом контексте и не упоминается. В 60-е годы минувшего XX века наш журналист Н. Хохлов специально предпринял поездку в Африку, чтобы посетить места, описанные Д. Анучиным в его научном труде, но никаких, ровно никаких свидетельств о проживании там предков Ганнибала не обнаружил. Другой русский исследователь А. Буколов, автор уникальной книги «Роман о царском арапе», будучи дипломатом, три года работал в Эфиопии, но тоже никаких сведений и никаких документов, подтверждающих «абиссинскую версию» не отыскал.

Не подтвердились также предположения о том, что фамилия Ганнибал происходит от имени знаменитого карфагенского полководца. Если же взять старинную карту Африки, то Абиссиния (Эфиопия XVII–XVIII веков — это фактически вся Африка к югу от Египта. И не случайно историки других африканских стран, в частности, Кении и Судана, оспаривают у эфиопов честь называться родиной предков А. С. Пушкина.

К этому следует добавить, что в 1995 году, в Москве состоялась международная научная конференция «Пушкин и христианская культура». С сенсационным сообщением выступил здесь воспитанник Сорбонны Дьёдонне Гнамманку, докторант Парижского национального института восточных языков и цивилизаций. Путём исследования исторических и топонимических источников он установил, что Абрам (Ибрагим) Петрович Ганнибал был не абиссинец, а — негр, поскольку родина его предков находится вовсе не в Абиссинии (Эфиопии), а в центральной Африке возле озера Чад. Причём все материалы, все доказательства были признаны непроверяемыми. Таким образом, к существующим версиям добавилась ещё одна. То есть гипотезы множатся, поиски и споры продолжаются. Если, конечно, не сказать, что они зашли в тупик. Ибо каждая сторона преследует свою, мягко говоря, узкокорыстную, националистическую цель.

Судите сами. Поскольку все африканские версии основываются на исследовании генеалогии А. С. Пушкина единственно по родословной его матери, то тут, казалось бы, ну никак не обойтись без того, чтобы на равных столь же обстоятельно и в полной взаимосвязи рассмотреть его родословную и по линии отца. Между тем разговор о русскости русского поэта либо отодвигается на задний план, либо и вовсе обходится стороной, как нечто второстепенное, менее значимое.

Теперь, что ещё более странно, на такой путь всё больше и больше встают не только африканские, но и многие другие авторы изысканий и публикаций на данную тему. В том числе — и в нашей стране. А почему? Ведь если речь идёт о национальной принадлежности, то разве не ясно, что вопрос должен быть рассмотрен всесторонне, без предвзятости и со всей полнотой? Или, может, в том-то и заковыка, что дело упирается именно в определение национальности?..

* * *

*Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет...*

С такими вот, необычайно лёгкими, пленительными в своей гениальной простоте, чарующими, как лепет ребёнка, с первого прочтения навсегда западающими в память стихами Пушкин приходит к нам в самом нежном, самом раннем возрасте, когда мы

только-только постигаем родную русскую речь. Приходит с волшебным золотым петушком. С белочкой, что при всех золотой грызёт орех. С хрестоматийным луко-морьем, где русский дух, где Русью пахнет. Приходит как самый родной и близкий. Приходит как властитель наших чувств и дум. Приходит, чтобы остаться с нами навсегда, и никто из нас, русских, не задаётся и мыслью о том, кто же он по национальности. Это разумеется само собой — русский.

Об этом для нас и как бы за всех нас в своё время Гоголь сказал. В статье под скромным названием «Несколько слов о Пушкине» он ещё при жизни Александра Сергеевича дал ему такую проникновенно искреннюю и исчерпывающе мудрую характеристику, что она стала подлинно бессмертной эпитафией великому поэту на скрижалях нашей русской истории. Вот вроде бы и цитировать лишний раз ни к чему, любой мало-мальски серьёзный читатель знает её со школьных лет, но перечитываешь — и не оторваться. Впрочем, так или иначе, тема нашего разговора требует свежим глазом взглянуть хотя бы на те строки, провидческая глубина которых и донныне вызывает самые яростные нападки противников русскости. Отмечая, что при имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте, Гоголь и сам едва ли не с удивлением говорил о том, что открывалось ему в этом замечательном человеке. Он, в частности, писал:

«Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет. В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла».

Читаешь — и окатывает тёплой волной гордости: вот он какой — наш Пушкин. Именно — наш. Русский. И не просто русский, а из русских русский. По Гоголю, хотя и с оговоркой, явление чрезвычайное, может быть, единственное. Как образец. Как идеал. Как эталон для подражания русским людям тех поколений, что будут идти следом.

Ту же мысль в дальнейшем повторил Достоевский. Соглашаясь с мнением Гоголя, он вместе с тем счёл необходимым добавить от себя, что для нас, русских, уже в самом появлении Пушкина заключается нечто бесспорно пророческое.

А по словам Ап. Григорьева, Пушкин — это и вообще «наше всё». Поясняя, что именно, он уточнил: «Пушкин — это представитель всего нашего душевного, особенного, такого, что остаётся нашим душевным, особенным после всех столкновений с чужим».

В работе «Жребий Пушкина», где поистине провиденциально уже само название, ещё более определённо сказал об этом известный религиозный философ С. Булгаков. Говоря о роли Пушкина в развитии нашего национального самосознания, он особо подчеркнул, что эту роль играет не только его поэзия, но и сам поэт, явивший собою дух нации и выразивший это в своём творчестве.

Между тем при избытии пушкиноведческих трудов, в том числе и биографических, национальный образ нашего великого поэта так и не получил того исследовательского отображения, которое отвечало бы его приоритетной значимости. Что, естественно, лишь усиливает наше недоумение: а почему?!

Вообще-то если оглянуться на русскую историю, то ответ тут, кажется, лежит на поверхности. Как ни странно, во все времена и эпохи определяющим свойством характера русского человека было и остаётся полное, вплоть до самоуничтожения, безразличие к своему национальному чувству, к своей русскости. На это неоднократно обращали внимание все наши

великие писатели и учёные. Так, например, Н. Бердяев, раздумывая над этим, самым большим и потаённым секретом нашего народа, не без удивления отмечал: «Русские почти стыдятся того, что они русские; им чужда национальная гордость и часто даже — увы! — чуждо национальное достоинство». На житейском уровне, в повседневных взаимоотношениях с окружающими это проявляется буквально на каждом шагу. Главное, дескать, был бы человек хороший, а уж кто он там по национальности — дело второе.

В русле такой традиции лежит и наше отношение к Пушкину. Небезынтересно, конечно, кто там у него был дед и кто прадед, но для нас, его читателей и почитателей, главное всё-таки в том, что он писал и что написал, а не рассуждения о его, якобы экзотической национальности. Да и потом так ли она экзотична! И если на то пошло, то, как её, эту национальность, определить?

Что, разве не так? Боюсь, что так. Не только для нас, как говорится, рядовых читателей, но и для тех, кто числит себя пушкинистом, для всей историко-литературной науки значение Пушкина состоит опять-таки не в том, каково его происхождение, а именно в том, что им создано, что им написано. А поскольку он поэт, и не просто поэт, а поэт великий, поэт русский, по общему признанию историков и литературоведов — создатель современного русского литературного языка, то само собой понятно, что вопрос о его личности неизбежно упирается в вопрос о его русскости. При этом более чем понятно и то, что нечто якобы экзотическое, нечто, так сказать, арапское остаётся в его биографии лишь неким незначительным, малосущественным штришком. Но если нам годами и десятилетиями, вот уже, почитай, более двух столетий назойливо и безостановочно пытаются доказать обратное, то при всей нашей русской покладистости и равнодушии к каким бы то там ни было национальным различиям это в конце концов не может не вызвать чувства досады. Хочешь не хочешь, отмахиваешься, а есть здесь, согласитесь, что-то умышленное, мягко говоря, небескорыстное. Особенно, если вспомнить, что все эти нескончаемые суды-пересуды начались с гнусных происков мелкотравчатого завистника, осведомителя пресловутого III жандармского управления, то бишь — тайного агента сысканой политической полиции, шпиона, доносчика Фаддея Булгарина, коему достойную отповедь дал ещё сам Пушкин.

Смешно и противно, что об этом словно бы не помнят его многочисленные последователи. То есть — делают вид, что не помнят и не ведают, что творят. И уж кому-кому, казалось бы, как не биографам сказать здесь своё решающее слово, и многие уже вплотную подходят к этому, но выйти за пределы традиционного жизнеописания всё, глядишь, ровно бы духу недостаёт. Имея в виду сложившееся в России отношение к Пушкину как «влечение именно к лицу писателя», известный литературовед А. Карташёв не без иронии обронил: «Наша всеобщая пассия — биография Пушкина». Но давайте хотя бы накоротке оглянемся, в чём же, собственно, это выразилось.

Как ни странно, по мнению самих же пушкинистов, лучшей была и остаётся первая биография поэта — можно сказать, основополагающая, однако давно устаревшая книга П. В. Анненкова «Материалы для биографии А. С. Пушкина», вышедшая впервые в 1855 году. О многочисленных слабых и неудачных биографиях не стоит, пожалуй, и упоминать. Нельзя, конечно, не назвать таких популярных авторов, как Н. Бродский, Ю. Оксман, Г. Винокур, Б. Мейлах, М. Цявловский, Н. Гроссман, Я. Левкович, М. Гершензон, из самых, так сказать, современных — Ю. Лотман, но даже их неоднократно переиздаваемые монографии, книги, брошюры и своего рода летописные манускрипты не выходят за рамки набившего оскомину принципа «жизнь и творчество». Мы, по существу, в тысячный раз перечитываем одно и то же — «где

родился, как учился, когда женился» и т.п. Вплоть до легенд и мифов, низводимых порой до уровня обывательской сплетни. А что касается поистине неисчислимых газетно-журнальных публикаций, то тут, как это ни прискорбно, дело доходит даже до скабрёзных измышлений. Не случайно один из наиболее талантливых исследователей жизни и творчества А. С. Пушкина — П. Е. Щеголев мечтал о создании такой биографии поэта, которая была бы не фактографической только историей внешних событий, а историей движений его души, биографией души.

В чем же заминка, почему такой биографии нет? А потому, отвечают нам маститые исследователи, что её создание как было, так и остаётся весьма и весьма проблематичным. Любой, самый эрудированный автор неизбежно сталкивается здесь с материей столь тонкой, столь непостижимой, что она едва ли поддаётся необходимому анализу и объективному научному истолкованию. Если допустимо ещё хоть в какой-то мере приблизительно рассуждать о поэтических «движениях души», то как, скажите, написать «биографию души» в целом? Тем более — биографию того «чрезвычайного» и «пророческого» явления «русского духа», перед постижением которого в изумлении остановились даже такие гиганты художественной и философской мысли, как Гоголь и Достоевский! Прикинешь этак со своей колокольни — а и впрямь мудроно. Вопрос в глубинной сути своей опять упирается, по всей видимости, в определение национальности. А как её, действительно, толковать?

Под понятием «нация» (с латинского — народ, племя) в расхожем массовом восприятии этого слова обычно подразумевается коренное население страны, давшее ей название. Скажем, Русь — русские, Франция — французы, Испания — испанцы и т.п. Однако на территории государства как единое целое, как исторически сложившаяся устойчивая общность может сосуществовать много разных, больших и малых народов и народностей, нацменьшинств и племён. Так что уже в силу этого хотя бы какого-то более-менее обоснованного обозначения нации наука пока что не сформулировала. Но если трудно дать определение нации в целом, то ещё труднее определить национальность отдельного человека. В особенности — ассимилированного индивидуума, или того, кто ведёт своё происхождение от так называемых смешанных браков.

А их число, как мы знаем, постоянно растёт. Не говоря уж о нескончаемых миграционных потоках и повсеместно увеличивающейся ассимиляции выходцев из других стран. Как же, действительно, при всём этом обозначить их национальность? Каких-либо официальных, научно-обоснованных установок и общепринятых, утверждённых законом критериев для этого нет, и мнения тут существуют подчас самые противоположные. Наиболее распространённой в последнее время стала тенденция определять национальную принадлежность как согражданство. Однако сограждан далеко не всегда можно назвать соплеменниками и даже соотечественниками. Ведь среди них немало таких людей, кто имеет и двойное гражданство. А то, глядишь, и тройное. В этой связи всё чаще и всё громче слышны речи о всечеловечности и всечеловечестве. Дескать, всё человечество — это одна большая семья, и каждый человек, к какой бы национальности он ни принадлежал, должен сознавать себя, прежде всего, гражданином мира.

Меж тем, пока наши учёные мужи безрезультатно бьются над разгадкой непостижимой, почти мистической тайны национальности, в Израиле её давно уже разгадали. Причём до элементарного просто и однозначно. Так, согласно еврейскому закону, евреем, а соответственно и гражданином, может считаться лишь то лицо, у которого были еврейками мать и бабушка по материнской линии. И неважно, кто был отец. Хоть негр. Поэтому есть евреи даже чернокожие. Ну, а если так, если считать это

главным, определяющим, и если русская родословная Пушкина идёт по линии отца, то её как таковую можно, значит, и не принимать в расчёт. А если так, тогда...

О, тогда, выходит, он никакой не русский, а...

А — кто?

Поскольку корни его родословной по материнской линии так до конца и не прослежены, то кто же он, в самом-то деле, по происхождению? Эфиоп?.. Негр?..

В одной из своих статей о Пушкине название его незавершённого романа «Арап Петра Великого» Гоголь дал без кавычек в такой интерпретации: Царский араб.

Арап — араб? В разговорном русском просторечии такое смягчение согласных очень даже распространено. Так неужто ещё и — араб?

Или, может, лучше уж обратиться к нашей расхожей житейски-бытовой терминологии и сказать попросту — полукровка? Но и в таком случае то ли полуэфиоп-полурусский, то ли полурусский-полунегр, то ли вообще невозможно установить, как его называть.

Подлинно — гражданин мира!

Вот те и на! Мы-то, русские чудачки, начиная с Гоголя и Достоевского, считаем его своим, из русских русским, а он, оказывается, вон какой! Хоть для всех граждан мира за эталон бери.

Не к этому ли нас, покладистых, и склоняют?

Авось — согласимся...

* * *

Родину, Отечество, как мать и отца, не выбирают. Родину, Отечество, как мать и отца, любят и почитают. А любят и почитают мать и отца, не задумываясь об этом, можно сказать, безотчётно, на уровне подсознания, инстинктивно. Помните, у Лермонтова: «Но я люблю — за что, не знаю сам...»

Хотя, конечно, у каждого это может складываться по-разному. Ведь более обострённые, нежели в зрелом возрасте, чувства и врождённые инстинкты с годами притупляются, и тогда решающую роль должны играть уже сознание, сознательное, осознанное отношение человека к родителям, к исполнению своего патриотического долга. Не случайна же легенда о блудном сыне. Да, вдобавок, не все, далеко не все блудные дети возвращаются под родительский кров.

У Пушкина жизнь складывалась так, что его называли ребёнком без детства. Как ни странно, он с самого нежного возраста был нелюбим в семье — не знал ни доброго отцовского внимания, ни материнской ласки. Мать, «прекрасная креолка» Надежда Осиповна, почему-то невзлюбила «не по летам загадочного» второго своего ребёнка — Александра. Она часто наказывала его и, что совсем уж непонятно, по целым месяцам могла с ним не разговаривать. Ещё более отчуждённо относился к нему отец Сергей Львович, вечно занятый лишь собой отставной советник и «душа общества». И только много позже, когда ослепительно засияла поэтическая слава Александра Сергеевича, они запоздало несколько к нему подобрели. К тому же этот нелюбимый сын оказался, по существу, единственной их опорой в старости. Он обеспечивал содержание и им, и своему младшему брату Льву. А когда мать в 1836 году смертельно заболела, поэт окружил её таким вниманием и заботой, как будто между ними никогда и не было никаких размолвок.

С такой искренней, истинно сыновней любовью относился Пушкин и к своей кормилице, няне Арине Родионовне. Друзья поэта, постоянно с ним переписывавшиеся или хотя бы раз побывавшие в Михайловском, не без удивления отмечали

необыкновенно родственную близость Александра Сергеевича с этой простой, неграмотной, но по-русски доброй и по-матерински заботливой старухой. Поэт не только не стыдился посвящать ей стихи, что в великосветском обществе многих прямо-таки шокировало, но даже будучи сам в летах ласково называл её мамушкой, мамой.

«Чуть встанет утром, — вспоминал один из современников, — уже и бежит её глядеть: „здорова ли, мама?“ — он её всё мама называл. А она ему, бывало, эдак нараспев (она ведь из-за Гатчины была у них взята, с Суйды, там эдак все певком говорят): „батюшка, ты за что меня всё мамой зовёшь, какая я тебе мать».

«Разумеется, ты мне мать: не та мать, что родила, а та, что своим молоком вскормила...»

Многочисленные слова! Вернее, не слова, а народная мудрость, народное русское речение, которым русские люди издревле руководствуются и в понимании родства, и в патриотическом своём чувствовании. А в устах Пушкина за этим вроде бы всего лишь житейским присловьем видится не только признание в сыновьей любви к кормилице-няне, но и отношение к вспоившей и вскормившей его Родине, матушке-России.

Вот о чём следовало бы покрепче помнить не знающим, куда приткнуться, блудным сынам с двойным и тройным гражданством!

Вспоминая в данном контексте слова Н. Бердяева о том, что нам, русским, при-суще как бы даже стыдиться того, что мы — русские, нельзя не заметить: а вот у Пушкина такой стыдливости не было! И когда некоторые русскоязычные критики эдак многознающе уверяют, что любовь к Родине, как и любовь к женщине, не должна громко афишироваться, что истинная любовь стыдлива и целомудренно немногословна, я на примере Пушкина думаю: э-э, не надо! Ибо что же за любовь такая, любовь её надо стыдиться! А гордиться тогда чем? Двойной-тройной привязанностью? Извините!..

В стихотворении «Моя родословная», парируя измышления Булгарина, намекавшего в одной из своих клеветнических заметок («Северная пчела», 7 августа 1830 г.) на то, что прадед Пушкина Абрам Петрович Ганнибал был куплен шкипером за бутылку рома, поэт со спокойным достоинством и с гордостью отвечал:

*Мой предок Рача мышцей бранной
Святому Невскому служил...*

У пушкинистов, в особенности — биографов, стало как бы правилом, как бы негласным уговором отодвигать эти строки в сторонку, а то и вовсе забывать о них, словно менее значимых, проходных. Однако при пушкинской лаконичности за ними стоит нечто большее, чем это может показаться при беглом прочтении. Здесь и высокая гражданственность, и — через генеалогию — осознание поэтом личной причастности к истории России вплоть до великих деяний Александра Невского, и — при благородной сдержанности — обострённо страстное чувство именно национальной гордости.

Ещё в Лицее, ещё с детских лет одни называли его сверчком и стрекозой, другие — менее доброжелательно и в силу собственной невоспитанности — замарашкой, мартышкой и обезьяной. А за резкую отповедь, за пылкость характера с «необузданными африканскими страстями» — ещё и помесью обезьяны с тигром. Это при его-то впечатлительности и душевной ранимости! Он переживал болезненно. Да и попробуй не всплыи, если тебя шпыняют вот так буквально на каждом шагу. Отсюда, несомненно, и рано пробудившаяся пытливость в раздумьях о своей родословной. Людям,

любому человеку, извечно присуще свойство интересоваться, знать — кто я? Откуда я? Почему я такой? Какую дорогу прошёл мой род? Где мои корни? А если я вон как разительно отличаюсь от окружающих, то мне тем более любопытно — кем же себя считать, к какой стороне прислониться?!

Экзотическая фигура Ганнибалы и его потомки — предки Александра Сергеевича по матери несправедливо и, к сожалению, слишком уж надолго, аж до наших дней, заслонили и заслоняют его предков по отцу. Произошло это из-за чрезмерного, а на мой взгляд, может, и преднамеренного усердия многих, подозрительно многих исследователей. Они лишь затенили и до невозможности запутали тот очевидный вопрос о русскости Пушкина, в котором поэт давно и вернее всех разобрался сам. Обязанный оригинальностью своего внешнего облика деду и прадеду по материнской линии, он, конечно же, не мог не интересоваться происхождением африканским. Но с годами, по мере взросления, его всё более и более привлекала родословная по линии отца, родословная, вне всяких сомнений, подлинно корневая, русская. И, пожалуй, что самое важное, ничуть обе эти линии не разделяя и не противопоставляя, поэт с удовлетворением осознал, что он — русский и только русский. Свидетельство тому — его многочисленные высказывания по данному поводу в письмах, биографических заметках, документах да и в стихах. Так в одном из писем 1831 года Пушкин с глубокой искренностью подчёркивал: «...я чрезвычайно дорожу именем моих предков, этим единственным наследством, доставшимся мне от них».

Обратите внимание: «чрезвычайно»! А о том, чьё имя, чью фамилию получил в наследство поэт, особо говорить не приходится.

Общеизвестны и такие, ставшие поистине крылатыми, пушкинские слова:

«Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие».

Вот — достойный ответ так называемым гражданам мира. Ответ на все времена. Пушкин не был безродным космополитом, Пушкин был потомственным русским дворянином. Его русский дворянский род был на Руси одним из древнейших. В «Начале автобиографии» поэт с гордостью отмечал: «Имя предков моих встречается по минутно в нашей истории...»

Само собой понятно, что тут имеется в виду наша история, история России. Что с особой силой подчёркнуто в стихотворении «Моя родословная». Кстати, ещё задолго до его создания Пушкин, следуя семейным преданиям, сделал для памяти такую запись:

«Мы ведём свой род от прусского выходца Радши или Рачи (мужа честна, как говорит летописец, т.е. знатного, благородного), выехавшего в Россию во время княжества Святого Александра Невского».

В устной передаче не обошлось, разумеется, без некоторых недоговорённостей, но подтверждением достоверности главных сведений может служить «Государев родословец», составленный в середине XVI века при Иване Грозном, где о первых коленах рода Радши сказано следующее:

1. Из немец пришёл Ратша.
2. У Ратши сын Якун.
3. У Якуна сын Алекса.
4. У Алексы сын Гаврила Алексич...»

Вот этого-то Ратшу — Гаврилу Алексича и имеет в виду Пушкин. Это как раз тот безудержно храбрый ратник, чьё славное имя донесли до нас «Житие Александра Невского» и Лаврентьевская летопись, повествующие о сражении дружины Александра

Невского со шведами на Неве в 1240 году. По словам летописца, Гаврило Олексич на коне вскочил по сходням на вражеский корабль, был сбит в воду, но выбрался на берег и вновь ринулся в жестокую сечу.

В найденной архивистами семейной родословной Пушкиных о Ратше, пришедшем, якобы «из немец», говорится, впрочем, ещё более определённо: «Во дни княжения Святого Благоверного Великого князя Александра Невского из Семиградской земли выехал знатной славянской фамилии муж честен Радша...»

Итак, отметим, не Ратша, а Радша, что может быть и опиской, но не из прусской земли, не «из немец», а из Семиградской земли и — знатной славянской фамилии. Славянской — что, конечно же, весьма существенно, ибо никаких следов его иноземного происхождения исследователям обнаружить не удалось. Предполагается, что он был выходцем из поморских (прибалтийских) славян. Главное — учёные выяснили, что он был личностью реальной. Киевская летопись говорит о Радше, жившем в Киеве ещё за сто лет до Александра Невского и служившем киевскому князю Всеволоду II Ольговичу. Позднее его потомки связали свою судьбу с Новгородом. Один из них имел прозвище Пушка. От них и пошли Пушкины.

Семейная родословная Пушкиных сообщает: «Потомки сего рода Пушкины многие российскому престолу служили Боярами, Наместниками, Посланныками, Стольниками, Воеводами, Окольными и в иных знатных чинах...»

Сам Александр Сергеевич был потомком Радши в двадцатом колене, а по материнской линии через родную бабушку Марию Алексеевну, урождённую Пушкину, вышедшую замуж за Осипа Абрамовича Ганнибала, он через её мать, то есть — через прабабушку, урождённую Ржевскую, в тридцать третьем колене являлся потомком Юрика и первых киевских князей — Игоря, Святослава, Владимира, Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха.

В результате новейших исследований установлено, что Александр Сергеевич Пушкин, также по одной из ветвей материнской линии был в двадцать первом колене потомком и самого Александра Невского. Кстати, бабушка Ольга Васильевна и нарекла его Александром в честь Святого Александра Невского.

Таков, как писал сам поэт, «род Пушкиных мятежный», таковы его глубинные генеалогические корни. По словам учёного-пушкиниста Б. Модзалевского, изучение истории этого древнейшего русского рода предоставляет нам наиважнейший материал для понимания духовного облика величайшего в русской культурной истории лица — гениальнейшего русского человека и поэта Александра Сергеевича Пушкина. Следует добавить — и не только Пушкина. И как не сказать, обращаясь к каждому из нас:

— Помни, чьё имя ты носишь!

Понимаю, было бы и далеко не по этикету, и вообще не по-людски хотя бы

намёком выказать отчуждение любому эфиопу или негру, оспаривающим право считать Пушкина своим. Тем паче, императору — самому императору! — Хайле Селасие, специально приезжавшему в Михайловское, чтобы посетить могилу «великого эфиопского поэта А. С. Пушкина». Но, признаюсь, и тогда, в Пушкиногорье, вертелось на языке, да и доныне не идёт из головы этакая до сермяжности неотёсанная мысль: ха, а всё-таки не в Эфиопии родился Пушкин, а — в России! Да ещё как бы специально, как по заказу, поистине, как по предначертанию свыше, не в какой-нибудь безвестной, впоследствии ушедшей в небытие «неперспективной» деревушке, а — в столице России, в первопрестольной нашей матушке-Москве. И с какой любовью, с каким искренне сыновьим чувством он восклицал:

*Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!..*

А ещё не только о себе, но и о своих друзьях лицейстах:

*Нам целый мир — чужбина,
Отечество нам — Царское село!*

А ещё — о своём творчестве, по сути, о всей жизни своей:

*И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.*

Русского, как видите, а не эфиопского. Да и похоронить себя завещал не в Африке, не возле озера Чад, и не в Эфиопии, а в самой что ни есть глубинной России:

*И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлеть,
Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать.*

Пожелав быть похороненным в русской провинции, Пушкин тем самым перед всеми, перед «целым миром» подчеркнул, с какой землёй, с каким народом он навсегда, до скончания веков.

И ещё в этой связи нельзя не вспомнить его письмо Петру Чаадаеву, в котором он писал: «... клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал».

Не об Эфиопии сказано — о России.

И о национальной принадлежности своей.

Да так, что определённое и не скажешь.

Тут, впрочем, во избежание попрека в национализме пора, видимо, сделать вполне серьёзную оговорку о том, что я ни в коей мере не хотел проявить шовинистическую снисходительность по отношению к эфиопам. Упаси Бог! Абиссиния (Эфиопия) — страна древнейшей культуры. Эфиопы на несколько веков раньше нас, русских, приняли христианство. И я ничуть не против того, что, допустим, оттуда, из Эфиопии идёт один из родовых корней нашего Пушкина. Однако наряду с тем я всей своей русской душой категорически против того, чтобы Пушкина причисляли к лицам безнациональным, как бы безродным. И тут уж называйте меня как хотите, шовинистом

или националистом, но если кто-то, пусть даже сам император Эфиопии скажет, что Пушкин — не русский, то я не могу опять-таки эдак сермяжно не ухмыльнуться: хм, а почему же вы, эфиопы, своего Пушкина на своём языке не родили? Почему для этого понадобилась Россия? А?..

* * *

В журнале «Октябрь» (№ 7, 1988 г.) под рубрикой «Из литературного наследия» с большой вступительной статьёй Бенедикта Сарнова читаю однажды стихи:

*У человека много родин.
Разноречивым жизнь полна.
Но если жить он непригоден,
То родина ему одна...*

Вероятно, в порядке так называемого лирического самовыражения зарифмовал эти эпатажирующие, что ли, невразумительные для меня строки Илья Эренбург. Если верить его собрату по перу и духу Бенедикту Сарнову, перед нами своего рода поэтический шедевр. А я не только автору предисловия — глазам своим верить не хотел. Как это так — «у человека много родин»? М-да, а я-то, недотёпа, всегда думал и думаю, что — одна. Оказывается — много! А коли так, то к чему и зачем, значит, дорожить какой-то там своей одной-единственной! Как в той ехидной русской побаске: «Нам, нищим, пожар не страшен, одна деревня сторела — в другую перейдём». Так, выходит, и вообще в жизни: где тебе выгоднее, где хорошо, там и родина.

Э, думаю, стоп, а погудка-то старая, затрёпанная, с душком! Это же, как давно и не без сарказма замечено Леонидом Леоновым, мудрость симментальской коровы, которой всё равно где обитать, было бы тёплым стойло да сладким пойло. Полагаю, не только поэт — любой школьник не может не знать, где ты неспроста в словах — Родина и родиться — один корень. Ибо Родина — это место, где ты родился. А родиться можно лишь один раз и лишь в одном месте. Как же у достопочтимого Эренбурга не запнулось перо, когда он рифмовал нечто тому противоположное?! Хотя, что тут гадать! Гражданин мира, пожалуй, столь же убеждён в своём, как и мы в своём. Безродность у него в крови. Только вот зачем же мерить на свой аршин других! Да ещё с таким напором, с таким высокомерным выпадом. Надо же, если родина у тебя одна, то ты, видите ли, и жить непригоден. Это как же понимать — вроде как неспособен, никчёмный, никуда не годен, что ли? Хм, но мне, человеку противоположных взглядов, читать такое оскорбительно. Да, не сомневаюсь, и не мне одному.

Журнал был библиотечный, но я, признаюсь, не удержался и на полях рядом с этим «лирическим шедевром» в сердцах сгоряча резюмировал: «Врёшь, Илья, у нормального человека Родина одна!»

А потом, успокаиваясь, с удовлетворением, с благодарной радостью подумал, что вот у Пушкина таких, с позволения сказать, виршей даже и в черновиках не обнаружишь. Уж у кого-кого, а у Александра Сергеевича, согласно существующих абиссинской, негритянской и прочих версий, вон сколько родин, а он всё-таки неколебимо и до конца стоял на том, что ему «целый мир — чужбина», а Отечество одно — Россия!

Оглянемся, внимнем, граждане мира — это кто? Да то же самое, что и космополиты. То есть именно люди без Родины, без Отечества. Им, видите ли, родина — весь мир. А изначально понятие «космополиты» заимствовано из биологии, где оно обозначает некоторые виды растений и животных, способных обитать в любой местности по

всему земному шару. Но ведь и тут, заметим сразу, не все на такое способны, а лишь некоторые виды. К тому же, пытаясь распространить идею космополитизма на человеческое общество, проповедники быстро её скомпрометировали своим небескорыстием уже в самой проповеди. Поэтому теперь более употребительным вместо термина «космополиты» у них стало название «граждане мира», коим они явно гордятся. Вот, мол, мы какие — не такие, как все. Каждый из вас — гражданин лишь какой-то одной страны, одного государства, а мы — граждане мира. Всего мира!

Высокопарно? Пожалуй. А главное — с подчёркнутым, на поверку, правда, лицемерным, но в расчёте на простаков — гордо вроде бы подчёркнутым отречением от своей национальной принадлежности. Поэтому на них обычно так и глядят: а, не разбери-пойми кто. Вроде и не инородцы, поскольку родились в России, вроде и не иноземцы, поскольку и выросли на русской земле, да вот по крови — не русские. Ну, не чисто русские. В лучшем случае — полукровки. А чаще, как сами об этом опять же не без самолюбования говорят, такая многокомпонентная «гремучая смесь». И вот надо же, хотя и родились, и выросли, и всю свою сознательную жизнь провели в России, Россия для них всё-таки не Родина, а всего лишь, по их демонстративно излюбленному выражению, «эта страна». О, надо быть именно не русским, и даже не по крови, а — по духу нерусским, чтобы вот так — о России! Какое пренебрежение, какое отчуждение, какая подчёркнутая отстранённость! Декать, это же просто территория их вынужденного временного местожительства. И посему, глядишь, даже отродясь не поживя ни в какой иной стране, кроме России, и не зная никакого иного языка, кроме русского, они поистине с какой-то патологической страстью стремятся заполучить забугорно-заокеанское гражданство. Да вдобавок и ещё одну кличку себе придумали — русскоязычные. Словно и не сознают, словно и не понимают, что тем самым сами же как бы насмежаются над собой. А скорее всего и не понимают, ибо употребляют этот термин без малейшей иронии, на полном серьёзе. Им словно и невдомёк, что у них при таком самоназвании, выходит, и языка-то своего нет, за что, бедненьких, даже пожалеть надо. Словом, жалкие, жалконькие граждане. Ну да что ж, нужно быть всё-таки русским, исконно русским, прирождённо русским, по духу русским человеком, чтобы не графомански, не на уровне работающего со словарём переводчика, а душой, сердцем чувствовать все оттенки и тонкости русского слова, русского живого языка.

Могут ли, спрашивается, такие люди ощутить всю глубину русского духа? Могут ли эти многостойловые граждане постигнуть всю значимость личности нашего национального гения Александра Сергеевича Пушкина? Вопросы в общем-то праздные, но суть в том, что им-то этого как раз и не нужно. Впрочем, тут суть не в верхоглядстве, не в графоманстве, а — в коварстве, ибо все их потуги, все устремления хитроумно сводятся к тому, чтобы доказать, что и великого русского поэта не только можно, но и должно считать гражданином мира. Очень уж этим гражданам, не по нутру, что Пушкин был и остаётся великим русским поэтом.

Рисунки Павла Самойлова

